

Т.Е. ЯНКО

Множественный подвид древнерусского глагола в кванторном значении

Введение

Хорошо известно, что в отрицательных предложениях современного русского языка, которые содержат отрицание утверждений, предположений, презумпций или импликаций, заключенных в предшествующем им контексте, единственное число имени может меняться на множественное по сравнению с имеющимся или реконструируемым исходным предложением, совершенный вид глагола на несовершенный, а моторнократные глаголы на моторно-некратные: – *У тебя в работе есть ошибка*. – *Нет там никаких ошибок*; – *Кажется, там кто-то пришел*. – *Да нет, тебе показалось. Никто там не приходил*. – *Можно я пойду гулять? – Не надо, не ходи*. В связи с подобными заменами показателя единственности на показатель множественности в контексте отрицания обращает на себя внимание особый факт древнерусского языка – широкое использование в отрицательных предложениях множественного подвида несовершенного вида (НСВ). Мы рассматриваем здесь древнерусский язык в его позднем варианте, когда он уже достаточно близко подошел к современному состоянию. Это древнерусский язык 16-17 века. Наиболее эффектные примеры использования НСВ множественного можно найти в древнерусских судебных документах, которые содержат большое количество отводов обвинений, предъявленных подозреваемым в разного рода преступлениях. Отводы обвинений естественным образом представляют собой отрицательные предложения, и множественный подвид НСВ представлен в таких текстах весьма широко. Приведем несколько примеров: *...а чепи де онъ на гсдрню црцѣ не **длывал** да и делат не ђмлет...* (1642-1643 гг., [Письменность 1968: 255]); *...я холоп твои ево вндреева двора не **зажигивал** и зажеч никому не **веливал**...*(1633 гг., [Письменность 1968: 49]); *...а речей де ђ нево Михаила с ним О'онкою никаких не **бывало** и ничего у него не **прашивал*** (1642-1643 гг. [Письменность 1968: 26]).

Реликты множественного подвида сохранились и в современном русском языке. Ср. глаголы *хаживать*, *леживать*, *едать*, *пивать*, *живать*, которые в русском языке используются крайне ограниченно и преимущественно в контексте отрицания. В.В. Виноградов [1972: 431] указывает на то, что в контексте отрицания русские множественные глаголы выражают экспрессивное, эмфатическое отрицание (*не видывал*, *не слыхивал*, *не едал*), см. там же литературу прошлого по теме. Из современных авторов на этой мысли останавливаются Н.С. Авилова [1976: 295], а вслед за ней Анна А. Зализняк и А.Д. Шмелев [2000: 122]. В книжном нарративе формы множественного НСВ можно встретить и в утвердительном контексте. Такое употребление отмечено оттенком иронии, самоиронии, нарочитой стилизации под эпический стиль: *знавал ее в молодости, езжал по разным городам, хаживал там в музеи и рестораны*. В этих контекстах множественный подвид обозначает события, происходившие в далеком прошлом и многократно повторяющиеся. В настоящее время множественный подвид, который столь широко представлен в документах 16-17 века, – категория уходящая.

Ниже мы рассмотрим феномен древнерусского многократного на фоне современного русского материала. Современный русский язык не только проливает свет на явления древнерусского, но и представляет самостоятельный интерес для анализа. Таким образом, сходные явления древнерусского и современного русского анализируются параллельно.

Для того чтобы объяснить замены единственности на множественность в контексте отрицания в современном русском и древнерусском языках, мы надеемся показать, что семантическую структуру предложений, описывающих события, которые впоследствии будут объявлены несуществующими (ср. др.-евр. *двора не зажигивал*; рус. *я никого не убивал*), можно представить как содержащую квантор существования: 'было так, что...' 'имел место факт...', 'существует момент времени t такой, что в момент t имел место поджог' (Эт Поджог (t)). Применение к таким семантическим представлениям простого логического закона (1) позволяет объяснить появление в отрицательных предложениях показателя множественности: множественного числа, НСВ, моторно-кратных глаголов и маркированное выражение множественности средствами многократного подвида НСВ.

$$(1) \neg \exists x P(x) \equiv \forall x \neg P(x)$$

Мы предлагаем следующую интерпретацию закона. Если отрицается существование ситуации P , это значит, что для всех моментов времени x , в которые могла иметь место ситуация P , неверно, что P . Переход от существования к всеобщности в контексте отрицания и перебор множества значений переменной x по параметру времени и объясняет присутствие концепта множественности у именованной ситуации P . Концепт перебора моментов времени отражается в многократной форме глагола: *прашивал* 'много раз просил', *дельвал* 'много раз делал'.

Многократность согласуется с всеобщностью, но, естественно, не совпадает с ней; о связи идеи логической всеобщности со значениями и их контекстами в естественном языке, в частности с множественностью, см. [Падучева 1989: 16]. Заметим также, что рассмотрение квантификации события лишь по параметру времени – это существенное упрощение действительного положения дел. Реально, переменной может служить любой участник ситуации или сопутствующие событию обстоятельства, ср.: *нет никаких ошибок; никаких речей не бывало*. Квантификация всеобщности здесь выражается формами множественного числа и/или кванторными словами *никакой, ничего, нигде*. Возможна квантификация и одновременно по нескольким параметрам, например, по параметру Участник ситуации и по параметру Время: *ничего у него не прашивал* 'для любого момента времени t и любого объекта o неверно, что субъект ситуации просил у другого участника ситуации объект o '.

К формальной логике мы прибегаем как к удобному способу представления норм мышления, которые проявляются, в частности, при порождении отрицательных предложений как современного русского, так и древнерусского языка. Обращение к закону (1) связано с анализом перехода от единственности к множественности в контексте отрицания. Однако существует и множество пар предложений, у которых в отрицательном члене пары показатель множественности отсутствует¹: – *Когда мы выключили свет, он заснул?* – *Нет, не заснул* (ср. *Нет, не заснул*). Ср. также древнерусский пример: *И яз, з(о)сподине, Онанка*

¹ В работах Падучева 1969 и Кржижкова 1969 говорится о нейтрализации видового противопоставления при отрицании. Представляется, однако, что замены при отрицании не всегда можно назвать нейтрализацией, так как они бывают семантически значимыми: в некоторых случаях они весьма вероятны, а в других – подобных замен практически не наблюдается. Об особенностях противопоставления по виду и числу в контексте отрицания см. также Бойко 1952, Рассудова 1968, Самедов 1964.

Гридин съ своими товарищы на тот срок на Середохрестье перед кн(я)зем Семеном Ивановичем стал, а Ондрико, з(о)сподине, да Бориско на тот срок на Середохрестье перед князем Семеном Ивановичем не стали (1509-1510 гг., [Акты 1975: 58]). В последнем примере упоминание в контексте отрицания временных конкретизаторов ситуации – *на тот срок* и *на Середохрестье* – делает квантификацию существования в исходном – положительном – корреляте отрицательного предложения маловероятной, ибо событие здесь понимается не в плане своего существования, а с вниманием к тому, в чем конкретно оно состояло. Это делает и квантификацию всеобщности в отрицательном члене пары неуместной. Следовательно, если исходное предложение может быть проинтерпретировано в отсутствие квантора существования, т.е. представляет собой тип $P(x)$ (в противоположность $\exists x P(x)$), то ожидать замен числа, вида и кратности, вообще говоря, не следует, потому что закон (1) тогда не действует. Это не значит, что в реальных текстах в отсутствие квантификации существования замена единственности на множественность при отрицании невозможна. Встречаются примеры, в которых и при наличии конкретизаторов мы сталкиваемся с показателем множественности. Однако мы предполагаем, что в таких случаях говорящие подменяют исходный тип $P(x)$ типом $\exists x P(x)$ с целью усиления демагогического эффекта. В таком случае при отрицании указывается не на то, что P неверно (ср. формулу $\neg P(x)$), а на то, что P не имело места ни при каких условиях и никогда (ср. формулу $\forall x \neg P(x)$). И тогда замена единственности на множественность тоже может иметь место, даже при референции к конкретным объектам и событиям, или константам (в противоположность переменным): – *Это ты убил кассира Сидорова?* – *Я никаких кассиров/ никаких Сидоровых не убивал*².

Подобное разнообразие риторических и логических целей говорящего дает нам основание выделить две стратегии построения отрицательного предложения – «универсальную»³ (*Нигде и никогда никакого P не бывало*) и «конкретную» (*В точке пространства L в момент времени T положения дел P не было*). При этом исходное утвердительное предложение может задавать один или другой тип стратегии. Так, присутствие в исходном утвердительном предложении показателей экзистенциальной квантификации (со значением ‘существует, имеет место, было’) ведет к выбору «универсальной» стратегии построения отрицательного коррелята, а отсутствие таких показателей, а также присутствие темпоральных и локальных конкретизаторов, благоприятствуют «конкретной» стратегии. В первом случае в отрицательном предложении мы находим показатели множественности и всеобщности (универсальной квантификации), а во втором – их отсутствие и сохранение локальных и темпоральных конкретизаторов. Заметим, однако, что в соответствии с извечным обычаем говорящих драматизировать положение вещей «конкретная» стратегия, использование которой навязывается объективными факторами, может – чисто субъективно – заменяться на «универсальную». И тогда мы говорим не *P неверно*, а *Никакого P не бывало нигде и никогда*. Таким образом, использование «универсальной» стратегии может быть объективным (вынужденным), потому что в исходном положительном предложении присутствуют показатели экзистенциальной квантификации, а может быть – риторическим приемом, который состоит в том, что в отсутствие

² См. также о показателях множественности числа и квантора всеобщности в отрицательных конструкциях при референции к определенным объектам и именам собственным в книге [Шатуновский 1996: 155]; там же литература по теме.

³ Этот термин мы производим от англ. universal quantifier ‘квантор всеобщности’, ср. также existential quantifier ‘квантор существования’.

квантификации существования и в присутствии конкретизаторов ситуации говорящие используют «универсальную» стратегию.

Итак, в основе «универсальной» стратегии лежит закон (1), который объясняет присутствие показателей множественности и слов со значением квантора всеобщности в отрицательных предложениях. И наоборот, свидетельством того, что перед нами результат построения отрицательного предложения в отсутствие кванторов существования в исходном положительном предложении, служит отсутствие слов со значением квантора всеобщности в отрицательном предложении и сохранение локальных, темпоральных и других конкретизаторов.

Если обратиться к левой части закона (1), перед нами встанет задача показать, что язык располагает средствами различить высказывания типа $P(x)$ и $\exists xP(x)$ и выделить значение существования в автономный компонент. Действительно, различие между $P(x)$ и $\exists xP(x)$ может показаться тривиальным, т.к., если следовать формальной логике, один тип достижим из другого путем логического вывода: если $P(x)$, то x существует, а если существует x , такой что $P(x)$, то $P(x)$. Однако в определенных прагматических ситуациях оказывается важным не просто указать, в чем состоит событие P , но и сообщить, что оно понимается как существующее, как состоявшийся факт, как положение дел, действительно имеющее место в мире: $\exists xP(x)$. В разделах ниже будет продемонстрирована языковая техника, позволяющая выразить эти и некоторые другие значения и отразить закономерности мышления, получившие формализацию в логике.

Итак, проблема анализа перехода от единственности к множественности обрастает другими задачами. В данной работе мы надеемся не только объяснить замену единственности на множественность в контексте отрицания и проанализировать случаи неуместности такой замены, но и продемонстрировать средства выражения значений, которые включены в формулировку закона (1). Прежде всего, это выражение квантификации существования в естественном языке, в данном случае – в русском и в древнерусском.

В разделе 1 ниже, который посвящен анализу некоторых соответствий естественного языка единицам языка логики, мы уделяем особое внимание выражению концепта существования (подраздел 1.1). В подразделе 1.1.1 мы надеемся показать, что важным средством выражения значения ‘было...’, ‘имело место...’ в русском языке служат формы несовершенного вида глагола в т. н. общефактическом подзначении, ср. форму общефактического НСВ *уже принимал лекарство* в значении ‘принял лекарство, прием лекарства состоялся’. Раздел 1.1.1.1 посвящен дискуссионной проблеме возможной сочетаемости общефактического с указанием на фиксированную временную точку. Аспектологи традиционно считают, что общефактическое обозначает неопределенное событие и не сочетается с указанием на фиксированный момент времени. Мы приводим примеры совместимости общефактического с фиксированной временной точкой⁴, которые теоретически должны были бы казаться парадоксальными, но в действительности таковыми не оказываются: *Вечерняя почта приходила в восемь часов*. Там же предложен способ семантического представления таких предложений. Мы предполагаем, что предложения, в которых

⁴ М. Я. Гловинская [2001: 234] признает, что с точечным обстоятельством времени сочетаются т.н. двунаправленные глаголы: *Он приходил в пять часов*. Действительно, в последнем примере глагольная форма *приходил* может быть понята в двунаправленном значении ‘пришел, а затем ушел’. Однако понимание ‘пришел и остался’ здесь тоже возможно: – *Шеф на месте?* – *Да должен быть здесь. Вроде в пять часов приходил*. И, кроме того, в примере *Почта приходила в пять часов* глагол *приходила* в общефактическом явно значит, что почту доставили и уже не уносили назад, ср. в том же значении: *Почту приносили в пять часов*. Таким образом, не следует ограничивать контексты совместимости общефактического с точечным обстоятельством времени только теми глаголами, которые обозначают двунаправленное действие.

одновременно заключено значение существования и указание на конкретную временную точку, содержат в себе две пропозиции. Мысль о том, что предложения со значением существования и одновременным указанием на конкретно референтные объекты имеют двойственную природу, не нова, см. [Арутюнова 1976: 238, 265; 1983: 22]. В разделе 1.1.1.2 мы останавливаемся на некоторых контекстах общефактического экзистенциального. Проблема контекстов для общефактического детально рассматривалась во многих работах, прежде всего, в книге М.Я. Гловинской [2001: 246-254], см. также [Падучева 1996: 43-47], [Зализняк, Шмелев 2000: 37-38]. Однако здесь мы подходим к общефактическому как к средству выражения идеи бытования и в предположении, что у общефактического значение бытования является основным и присутствует во всех контекстах употребления, в частности в таких, которые аспектологи обычно называют не экзистенциальными, а результативными (*показывал статью* в значении 'показал'), двунаправленными (*К тебе кто-то приходил* 'пришел и ушел'), нерезультативными *А ты в шкафу искал?* 'поискал?'). Соответственно, контексты употребления рассматриваются в разделе 1.1.1.2 не абстрактно, а с точки зрения реализации значения 'было...', 'имело место...'. В разделах 1.1.1.1 и 1.1.1.2 анализируется современный русский материал. В разделе 1.2 вслед за М.Я. Гловинской мы обсуждаем гипотезу о том, что многократные формы НСВ можно трактовать как общефактическое многократное. В том же разделе для более точного моделирования перехода от единственности к множественности вводится квантор существования в большом количестве и предлагается «ослабленный» вариант закона (1), где квантор всеобщности заменен на квантор существования в большом количестве. В разделе 1.3 рассматриваются примеры выражения кванторных значений средствами древнерусского языка. Эти примеры согласуются с положениями, выдвинутыми для русского языка. В разделе 2 рассматривается древнерусский материал, иллюстрирующий переход от единственности к множественности при построении отрицательных предложений.

1. Некоторые соответствия единиц естественного языка единицам языка формальной логики

Рассмотрим простейшие формулы (2)-(5), принадлежащие формальной логике:

$$(2) \exists x (P(x))$$

$$(3) \forall x (P(x))$$

$$(4) P(x)$$

$$(5) \neg P(x)$$

В дальнейшем наша цель будет показать, какими средствами располагает язык для выражения смыслов, интерпретируемых формулами (2)-(5).

1.1. Семантика существования

Вернемся к семантике существования, обсуждение которой было начато во введении при постановке задачи. Известно несколько способов выражения значения существования в русском и древнерусском языке: 1) эксплицитные показатели существования – глаголы *быть*, *существовать*, *иметься*; 2) различного

рода неопределенность, как эксплицитная, т.е. выражаемая лексемами *некоторый, некий, какой-то* и т.д., так и имплицитная, в частности, отсутствие определенности (о связи неопределенности с концептом существования см. [Падучева 1974: 87-88]); 3) НСВ глагола в общефактическом подзначении. Этим и другим вопросам, касающимся семантики существования, посвящена глава 5 книги [Шатуновский 1996: 155], см. там же литературу по теме. В разделе 1.1.1 ниже мы обратимся к глагольному способу выражения семантики существования, связанному с бытованием события (в противоположность бытованию объекта).

1.1.1. Общефактическое экзистенциальное

Остановимся на общефактическом экзистенциальном. Общефактическое значение широко обсуждалось в аспектологической литературе. Между тем в контексте отрицания и специфической прагматики судебных документов, можно получить дополнительные критерии, отличающие общефактическое от других значений НСВ.

Мы исходим из гипотезы о том, что семантическую основу общефактического составляет т. н. экзистенциальное значение. То, что у общефактического имеется ряд употреблений, связанных с оппозицией 'было' vs. 'не было' ('имеет место' vs. 'не имеет места') признает большинство аспектологов, см.: [Рассудова 1968: 37-45]; [Forsyth 1970: 82-102]; [Бондарко 1971: 84-86]; [Comrie 1976: 113]; [Падучева 1996: 36-37; 43]; [Шатуновский 1996: 321]; [Зализняк, Шмелев 2000: 38]. Между тем, экзистенциальное значение как основа семантики общефактического признается не всеми аспектологами, см., например, фундаментальное исследование общефактического [Гловинская 2001: 178; 230-254], в котором мы не находим – за исключением обсуждения некоторых контекстов общефактического, где можно косвенно обнаружить признание автором связи между общефактическим и значением 'было/ не было' [Гловинская 2001: 251], – указаний на значение существования.

1.1.1.1. Общефактическое экзистенциальное плюс фиксированная временная точка

Наша гипотеза состоит в том, что вклад НСВ общефактического в семантику предложения состоит в семантическом обособлении экзистенциального компонента 'было', вообще говоря тривиального, но актуализующегося в определенных прагматических ситуациях выяснения, было нечто или не было, или было в условиях, когда могло и не быть, или при сообщении о том, что некоторое событие стало важным фактом, прецедентом, существенным жизненным опытом, т.е. для него важно не только то, в чем конкретно оно состояло, но и то, что оно *было* в нашей жизни.

В отношении одного из условий употребления общефактического, широко обсуждавшегося в аспектологической литературе (см. [Падучева 1996: 43]; [Шатуновский 1996: 322], [Гловинская 2001: 249]), а именно требования неопределенности события, выражаемого формой общефактического, мы надеемся показать, что неопределенность события не является обязательной. К такого рода контекстам – со всеми конкретно референтными участниками – мы относим контексты общефактического, в которых вполне определенные ситуации концептуализуются с акцентом на факте их существования: для этих ситуаций важно, что они *были*. Говорящий может специально остановиться на факте существования события в следующих случаях. Событие было, но могло не быть. Так, пример *Посмотри, там вчерашний суп еще*

оставался [= *остался*] означает, что суп кончается и его могло бы уже и не быть. Далее, некоторое событие происходит регулярно, и поэтому наступление каждой новой инстанции события ожидается и требуется только сообщить, что событие наконец состоялось: *Вечерняя почта приходила в восемь часов*. События могут пониматься как важные факты – вехи – биографии: *Я защищался в Новосибирске*; *Он кончал театральное*; *Вася встречался с Романом Якобсоном на конгрессе лингвистов*; *Вася ездил в Париж*. И наконец, ситуации могут рассматриваться как *прецедентные* события – на основании того, что такие ситуации имели место, говорящие обретают важный жизненный опыт: *Я вчера уже стрелял из этого револьвера*. Из последнего предложения можно сделать вывод, что говорящий знает, как с револьвером обращаться.

Мы видим, что при референции к событию бытийное значение может иметь сложный характер, т.к. оно может возникать и в контексте фиксированного момента времени: *Сегодня утром Вася уже принимал свое лекарство* ('сегодня утром имел место факт приема лекарства'); *Вечерняя почта приходила в восемь часов* ('факт прибытия вечерних газет и писем имел место в восемь вечера').

Таким образом, мы показали на примерах, что экзистенциальное значение сочетается с указанием на фиксированную точку времени в пределах одного простого предложения. Вслед за Н.Д. Арутюновой [1976: 238, 265; 1983: 22], предложившей описывать семантическую структуру предложений о существовании определенных объектов как включающую две пропозиции⁵, предложения с общефактическим плюсом указание на точечное время (например, *в пять часов*) мы разбиваем на утверждение о существовании события и указание на момент времени, в который это событие имело место:

P1. Существует момент времени, в который событие Р имело место.

P2. Этот момент времени – t_i .

Пропозиция P1 с бытийным значением отражает тот нюанс семантики предложения, что ситуация имела место, т.е. концептуализуется как состоявшийся факт, а пропозиция P2 – что ситуация имела место в момент времени t_i . Если бытийный компонент семантики не существен для говорящего и в его цели не входит специального указания на факт наступления события, употребляется совершенный вид: *Вечерняя почта пришла в восемь часов*.

В книге М. Я. Гловинской [2001: 234] говорится, что сочетание общефактического с фиксированной временной точкой имеет место в контексте двунаправленных глаголов: *приходил в пять часов* = *пришел в пять часов, а потом ушел*. Покажем, что сочетание общефактического с фиксированной временной точкой возникает не только в контексте двунаправленности. Так, предложение *Вывешивал табличку в пять часов* может значить как 'вывесил табличку о десятиминутном перерыве, а затем убрал, потому что перерыв кончился' (двунаправленное значение), так и то, что табличка, возвещающая об открытии ресторана, была вывешена в пять часов и что она все еще пребывает на своем месте (результативное, не-двунаправленное значение). Результативное значение может возникнуть в ситуации выяснения, на месте ли табличка. Ср. также пару примеров, каждый из которых содержит глагол *приходил* в общефактическом значении, но в первом примере в соответствии с прагматическим контекстом глагол понимается в двунаправленном смысле, а во втором – в результативном: *С утра приходил Вася, приносил новорожденную дочку* ('Сегодня утром пришел Вася, принес с собой ребенка, а затем ушел и забрал дочку с собой') vs. *С утра приходил Вася, приносил подарки* ('Сегодня утром пришел Вася, принес подарки, а затем ушел, скорее всего,

⁵ См. также [Шатуновский 1996: 155].

оставив подарки тем, кому он их принес'). По поводу первого члена пары сравниваемых предложений заметим, что если бы событие состояло в том, что ребенок остался там, куда его принес отец, было бы сказано *Приходил Вася, принес дочку*, потому что форма совершенного вида *принес* фиксирует результирующее состояние, которое в данном случае состоит в том, что в момент речи ребенок находился там, куда его принес отец. Результативное же значение, выражаемое глаголом НСВ в втором примере, концептуализует ситуацию не с акцентом на местонахождении подарков, а с фиксацией на том, что их преподнесение состоялось.

Итак, путем простого приведения примеров удастся показать, что двунаправленная трактовка общефактического в контексте точечного обстоятельства времени зависит от онтологической структуры ситуации, и понимание в «не-двунаправленном» смысле во многих примерах тоже бывает возможно, см. также сноску 4 выше. Иначе говоря, общефактическое в контексте фиксированной временной точки необязательно должно пониматься в двунаправленном смысле.

В следующем разделе рассматриваются контексты общефактического, оживляющие идею существования события, т.к. мы исходим из гипотезы о том, что семантическую основу общефактического составляет значение существования. Между тем значение существования – одно из самых общих и абстрактных – в большинстве контекстов тривиально. Форма общефактического НСВ по значению бывает практически неотличима от соответствующей формы совершенного вида. Действительно, *уже принимал лекарство* и *уже принял лекарство* отличны на плюс/ минус бытийное значение. *Принимал лекарство* значит, что ожидаемый прием лекарства имел место, а *принял лекарство* – что лекарство принято, т.е. попало в организм больного. В каких же контекстах различие плюс/ минус бытийное значение обнаруживает себя? Обратимся к диагностическим контекстам, которые помогают уловить различие между общефактическим НСВ и совершенным видом. Выше уже говорилось о том, что перечни таких контекстов обсуждались в аспектологической литературе ([Гловинская 2001: 251]). Тем не менее, в разделе 1.1.1.2 мы вновь возвращаемся к этому вопросу, взяв за исходную точку представление об общефактическом как о средстве выражения идеи бытования.

1.1.1.2. Контексты общефактического

Речевой акт сообщения, помимо утверждения о положении дел, содержит истинностную оценку утверждения о положении дел. Известный парадокс Дж. Мура [1984] основан на нарушении презумпции о том, что то, что говорящий сообщает, он по умолчанию считает истинным. В знаменитом примере Дж. Мура «Идет дождь, но я так не считаю» эта презумпция нарушена, что приводит к противоречию между имплицитным и эксплицитным смыслами, заключенными в этом предложении. Итак, наиболее простой – немаркированный – способ номинации ситуаций состоит в том, что сообщение о положении дел и указание на то, что данное положение дел действительно имело место, подаются нерасчлененно: если говорится о некотором положении дел, то предполагается, что оно и имеет место в мире. Ср. у И.Б. Шатуновского [1995: 158]: «Любое описывающее действительность (констативное, по Остину), или репрезентативное, по Серлю, высказывание, содержит помимо диктальной (по Балли) пропозиции (Р), описывающей некоторое мыслимое (возможное) положение дел, модальный компонент, соотносящий Р с действительностью: 'есть (в мире)' ≈ 'имеет место' ≈ 'истинно' ≈ 'соответствует действительности'»; и там же литература по теме.

В связи с этим использование НСВ в общефактическом, которое некоторыми аспектологами рассматривается как семантически наиболее простое ([Forsyth, 1970: 82-102]), соотносимое с «голым» фактом ([Зализняк, Шмелев 2000: 44]), представляется нам, наоборот, маркированным способом описания положения дел, потому что для разделения информации о положении дел и указания на то, что это положение дел имело место, требуются специальные прагматические условия и особые средства. Общефактическое экзистенциальное как одно из таких средств, способно акцентировать компонент существования в семантической структуре предложения.

Некоторые контексты, благоприятствующие употреблению общефактического, мы по необходимости рассмотрели в разделе выше при обсуждении совместимости общефактического с указанием на фиксированную временную точку. Рассмотрим список контекстов более систематически. Как уже говорилось, семантической основой общефактического мы считаем значение 'было' и – как производное значение – контраст 'было' vs. 'не было'.

1) Контраст 'было' vs. 'не было' может входить в лексическое значение глагола и отражать, таким образом, модель языковой концептуализации соответствующего положения дел. Так, у глагола *остаться-оставаться* противопоставление 'было' vs. 'не было' заложено в его лексическом значении. Рассмотрим специфику глагола *остаться-оставаться* на фоне других глаголов. Предложения *Здесь росла береза* и *На стене висела картина* указывают просто на присутствие – бытование – березы или картины в некоторой точке бытия. Между тем предложение *На рабочих местах оставались в тот момент трое сотрудников* значит не только, что сотрудники находились на своих рабочих местах, но также и то, что в тот момент их там могло не быть, например потому, что рабочий день уже кончался. Таково значение глагола *оставаться*.

Аналогично, предложение *Там со вчера в банке еще три огурца оставалось/осталось* – это имплицитный ответ на вопрос, есть огурцы или уже кончились. В контексте контраста 'было' vs. 'не было' может быть использовано и выражение *иметь место*. Глагол же *существовать* в интересующем нас смысле отличен от *оставаться* и *иметь место*, т.к. он обозначает своего рода «положительное» присутствие в мире, как *висеть* – о картине, *расти* – о березе, *лежать* – о ключах на полке. Между тем *иметь место* (в одном из своих значений) имплицитно противопоставлено выражению *не иметь места*. Когда говорится, что наезд имел место, это значит, что вопрос касался выяснения того, был наезд или его не было. Другое значение выражения *иметь место* – это возникновение ситуации, которой до определенного момента не было: *страховой случай имеет место* (= 'возникает') *при внезапном заболевании застрахованного во время его пребывания в указанной в договоре страхования стране; цессия имеет место* (= 'возникает по определению') *в правоотношениях между цедентом и цессионарием*. Характерно, что у глагола *иметь* в *иметь место* стерто противопоставление по виду: *имел место* значит '«поимел место», уже произошел'.

Глаголы «положительного» присутствия в мире, такие как *расти*, *лежать*, *существовать*, тоже могут вступать в противопоставление со значением отсутствия, но, как правило, только в специальных – верификативных – контекстах: *Да-да, книга там ЛЕЖАЛА* 'действительно находилась там'. В значении же самого глагола это противопоставление не заложено. Значение общефактического экзистенциального может служить контекстом, переводящим «положительные» глаголы в разряд отвечающих на вопрос «было или не было?», но предикаты, у которых это противопоставление входит в толкование, такие как

оставаться и *иметь место*, более, чем другие, склонны к употреблению в общефактическом экзистенциальном, потому что значение общефактического согласуется с их толкованием (дублируется в нем).

Итак, глагол *оставаться* и выражение *иметь место* являют собой пример актуализации бытийного значения, связанной с лексическим значением глагола.

2) Значение 'было' может иметь в качестве производного значение 'было нечто важное'. Это значение возникает в контексте ушедших в прошлое событий, которые воспринимаются говорящим как вехи биографии (*Я кончал/ заканчивал театральное; защищался в Новосибирске; болел ветрянкой*), как воспоминания, к которым мы возвращаемся всю жизнь (*встречался с Романом Якобсоном на конгрессе славистов; находил в прошлом году на этом самом месте рыжики; покупал эту репродукцию в Лондоне специально для вас*), неординарный опыт (*ездил в Париж на конгресс лингвистов*). Эти события существенны потому, что они «были» и запомнились. Они воплотились в жизненный опыт, стали примером, прецедентом, сложились в биографию. Данный контекст весьма характерен для сочетания общефактического с фиксированной временной точкой и, вообще, с конкретно референтными участниками и обстоятельствами. Действительно, для выражения значения существования оказывается достаточно аспектуальной формы глагола: другие семантические компоненты могут поддерживать (дублировать) бытийное значение, но, в принципе, они не обязательны.

3) Контраст 'было' vs. 'не было' активизируется в контексте ожидания событий, которые происходят согласно известному плану, расписанию, распорядку дня (*Он принимал свое лекарство в пять часов; Он обедал; Я выгуливал собаку, делал укол, уже мылся*). В чем конкретно состоит положение дел в данном случае известно заранее, потому что событие происходит регулярно, и существенным здесь оказывается только то, что ожидаемое положение дел наконец наступило. Такие контексты тоже прекрасно сочетаются с указанием на фиксированную временную точку, т.к. для события, которое так или иначе периодически происходит, релевантным обычно бывает только сообщение о том, когда именно оно произошло.

4) Классический контекст для общефактического составляют хорошо известные контексты верификации (*Вы мне ПИСАЛИ* ('это действительно имело место') [Гловинская 2001: 251]). Показателем верификации служит интенсивный акцент на финитной форме глагола. В данном случае, значение 'событие имело место' дублируется общефактическим значением глагола и верификативной акцентуацией, см. также Mehlig 1991, Падучева 1996: 36.

5) Контекст общих *да-нет*-вопросов (общих модальных по Балли). Это фактически тот же контекст, что и контекст верификации в повествовательных предложениях, т.к. общие *да-нет*-вопросы – это вопросы об истинности положений дел в мире: *Вы мне ПИСАЛИ? Вы ЧИТАЛИ «Войну и мир»?*

6) Благоприятный контекст для реализации общефактического значения НСВ составляют не только *да-нет*-вопросы, но и некоторые вопросы с вопросительным словом. В вопросе как в речевом акте, совершение которого обычно бывает поддержано мощной презумпцией, может предполагаться, что некоторое событие имело место (успешно состоялось, стало фактом), и говорящий только уточняет отдельные недостающие детали. Так, задающий вопрос *Кто надевал мой халат?* по некоторым признакам заключает, что его халатом кто-то пользовался, и задает вопрос о том, кто мог это сделать. Семантическая структура вопроса такова, что в презумпции находится пропозиция 'По всему видно, что имел место факт

ношения моего халата другим лицом'. Такую же презумпцию имеют и повествовательные предложения с неопределенными местоимениями на *-то*: *Кто-то надевал мой халат; Кто-то сидел на моем стуле; Кто-то ел моей ложкой*. Подобный прагматический контекст весьма часто бывает связан с поисками виновного: следы преступления налицо, и говорящему надо выяснить, кто его совершил. Детализация времени и места – менее типичный контекст: *Когда завтракали? Где апельсины брали?*⁶, ср. также *Почем апельсины брали?* На контекст вопросительных предложений как на благоприятный фон для реализации общефактического указывает М.Я. Гловинская [2001: 251].

В данном подразделе мы рассмотрели ряд контекстов, которые актуализируют в предложении значение бытования события, характерное для общефактического НСВ. К таким контекстам относятся предложения, содержащие значения, близкие значению бытования: 'было, но могло не быть', 'было нечто важное', 'было на самом деле, или истинно', 'было и создало прецедент', 'было, но неизвестно где, когда, с кем', 'было ли?'. В следующем подразделе будет рассмотрен один из спорных вопросов аспектологии: многократный подвид глаголов *видывать*, *слыхивать*, *говаривать* – это давнопрошедшее время или общефактическое многократное подзначение НСВ? Кроме того, будет внесено уточнение в формулировку закона (1) как модели перехода от положительных предложений к соответствующим отрицательным.

1.2. Многократный подвид НСВ как общефактическое многократное. Квантор существования в большом количестве

Соотнесенность многократных форм НСВ *говаривать*, *сизживать*, *хаживать* с далеким прошлым дало основание В.В. Виноградову называть многократные формы давнопрошедшим временем [1947: 545-549]. Обсуждая точку зрения В.В. Виноградова, М.Я. Гловинская [2001: 247], высказывает мнение о том, что формы многократного НСВ следует считать не давнопрошедшим, а общефактическим многократным. М.Я. Гловинская рассматривает значение кратности, в частности, у многократных глаголов, как значение, служащее благоприятным контекстом для возникновения общефактического значения: «Многократные глаголы *говаривать*, *сизживать*, *хаживать* и т.д. Показательно, что эти глаголы не имеют ни актуально-длительного значения, ни формы настоящего времени. В.В. Виноградов, вслед за грамматистами прошлого, считает форму прошедшего времени многократных глаголов «давнопрошедшим временем (Виноградов 1947: 545-549). Однако, по нашему мнению, те немногие многократные глаголы, которые сохранились в современном языке, выражают не давнопрошедшее время, а общефактическое значение... *сизживал*, *ночевывал* значит лишь 'много раз сидел (ночевал) в прошлом', а не 'сидел (ночевал) до того, как произошло какое-то другое действие в прошлом'». О многократном подвиде в современном русском языке см. также Авилова 1976: 293-295, Прокопович 1969: 8-10, Зализняк, Шмелев 2000: 121-122, в русском языке 19 века – Иванчикова 1957: 247-248.

Представляется, между тем, что точки зрения В.В. Виноградова и М.Я. Гловинской не противоречат одна другой, т.к. под давнопрошедшим временем В.В. Виноградов, не подразумевает обозначения ситуации, которая имела место ранее другой ситуации в прошлом, как это предполагают контексты западноевропейского плюсквамперфекта, или давнопрошедшего. В.В. Виноградов прямо говорит об этом. Не используя термина *общефактическое*, В.В. Виноградов сочувственно цитирует В.А. Богородицкого [Русская грамматика 1918: 164-174], который считает глаголы типа *бирать*, *есть* прошедшим

⁶ Социальный контекст высказываний типа *Где апельсины брали?* в настоящее время уходит в небытие.

обыкновения, что не противоречит трактовке этих форм как выражающих общефактическое многократное. В данном случае термин *давнопрошедшее*, во всяком случае в русском языке, В.В. Виноградов использует для указания на событие, которое с регулярностью имело место в далеком прошлом. Это не противоречит трактовке многократного подвида как общефактического многократного: общефактическое и обозначает ситуацию, которая понимается как свершившийся факт, т.е. в стандартном контексте соотносится с прошлым. Соответственно, многократное общефактическое обозначает многократное наступление событий, которые мыслятся как идентичные.

Термин «многократное общефактическое» М.Я. Гловинской со значением ‘много раз было в прошлом’ (‘много раз случалось в прошлом’, ср. формулировку В.А. Богородицкого) для многократного подвида в русском и древнерусском языках представляется весьма удачным. Между тем нельзя не признать, что непосредственно встроить многократное общефактическое в систему объяснения показателей множественности, сопряженных с отрицанием, как это было предложено во Введении, не удастся, в всяком случае, при прямой апелляции к закону (1). Если считать, что многократное общефактическое, как и простое – не многократное – всегда соотносится с квантификацией существования, то присутствие в обеих частях логического вывода семы существования не согласуется формулировкой закона, потому что в правой части закона (1) фигурирует не квантор существования, а квантор всеобщности.

Здесь перед нами встает задача, связанная с различием в типах квантификации событий.

Предлагаемое решение этой задачи сводится к выделению трех типов квантификации (против традиционных двух), необходимых для анализа рассматриваемого материала. Первый тип – это известная квантификация существования ($\exists xP(x)$). В естественном языке она выражается простым общефактическим (*ездил в Париж*) и другими средствами. Второй тип – квантификация всеобщности ($\forall xP(x)$). Она выражается кванторными словами *всегда, все, везде, никогда, никто, нигде*. И наконец, мы предлагаем постулировать третий тип квантификации, своего рода промежуточный между первыми двумя. Это квантификация существования в большом количестве ($MxP(x)$): существуют в большом количестве x -ы, такие что $P(x)$. Этот тип квантификации представлен многократным общефактическим, а также другими показателями множественности в контексте существования. Очень много – не значит ‘все’, но в нестрогом – бытовом – смысле весьма близко к этому, что часто приводит говорящих к использованию данных о большом количестве к демагогическим выводам о тотальности определенных положений дел. Существование в большом количестве позволяет делать более «сильные» утверждения, чем существование одного, но более «слабые», чем всеобщность.

Если представить квантификацию элементов некоторого релевантного множества как шкалу, на одном из концов которой расположен квантор существования по крайней мере одного элемента, который обладает некоторым свойством, на другом конце – квантор всеобщности, предназначенный для сообщений о том, что все элементы релевантного множества обладают этим свойством, тогда квантор существования в большом количестве будет располагаться в ближайшей окрестности квантора всеобщности, но представлять из себя квантор существования. Кванторы существования в малых и больших количествах составят остальные элементы этой шкалы в соответствии с представленными в них количествами от малых к большому вплоть до квантора всеобщности.

В результате можно предложить более слабую вариацию закона (1), которая моделирует одну из логических процедур дискурса на естественном языке:

$$(2) \neg \exists x P(x) \equiv Mx \neg P(x)$$

Мы предлагаем следующую интерпретацию квазизакона (2). Если отрицается существование ситуации P , это значит, что существовало множество моментов времени x , в которые могла иметь место ситуация P , но которая, между тем, не имела места. Уточним также, что параметр времени – это наиболее естественная область, которую пробегает переменная при квантификации события, однако квантификация по другим параметрам – другим участникам ситуации – также возможна. Так, в примере из Тургенева *в старые-то годы дворяне жили пышнее* параметром квантификации служит субъект ситуации – дворяне: ‘разные люди во множестве жили пышнее, чем теперь’ (пример почерпнут из книги [Авилова 1976: 294]). В примере *Ни с одним настоящим писателем даже не встречался. Знал их только по книгам* (Телешов) параметром квантификации служит объект ситуации – писатели, пример также взят из книги [Авилова 1976: 294].

Квазизакон (2) не отменяет положений, выдвинутых во введении при постановке задачи и апеллирующих к закону (1), но, как кажется, дает более точное описание логики говорящих, закрепленной в речевых моделях перехода к показателям множественности, которые возникают в большом классе отрицательных предложений. При отрицании предложений, исходно содержащих сему существования события, в отрицательном предложении не всегда используются отрицательные кванторные слова со значением всеобщности *никогда, никто, нигде, никакой*, а весьма часто фигурирует более слабая квантификация существования в большом количестве, ср.: *не видывал* ‘существовало много возможностей увидеть, но они остались нереализованными’.

Введение квантора существования в большом количестве было подсказано спецификой аспектуального общефактического значения, которое по предположению содержит семантический компонент существования ‘было’ (*ездил в Париж*) и ‘бывало, случалось быть’ (*езжал в Париж*). Между тем, как кажется, для обоснования мены числа (*была ошибка vs. не было ошибок*) и кратности (*пойди vs. не ходи*) закон (2) тоже подходит. Различие состоит в том, что вид, во всяком случае в древнерусском языке, предусматривает специальную форму со значением существования во множестве – *знавал, езжал, видывал*, а число и кратность подобной специальной формы множественного существования не имеют: здесь существование выражается другими средствами, а именно, неопределенностью. Общефактическое характерно тем, что в его контексте, как было показано выше, в разделах 1.1.1.1. и 1.1.1.2, не требуется показателей неопределенности, т.к. значение существования заключено в глагольной форме.

Итак, в данном разделе для анализа многократного далекого прошлого – *видывал, слыхивал, говаривал* – было предложено ввести квантор существования в большом количестве. Соответственно, в формулировке закона (1) квантор всеобщности был заменен на квантор существования в большом количестве. Это изменение направлено на более точное (чем это возможно с апелляцией к закону (1)) моделирование логики говорящих, закрепленной в конструкциях языка.

1.3. Существование и многократность в древнерусском

Покажем, что древнерусский язык обладает достаточными средствами для выражения в глаголе значений существования и многократности. Древнерусские средства выражения многократности в глаголе гораздо богаче, чем в современном русском языке, и имеют более широкое применение. В частности,

многократный подвид широко образуется не только от приставочных, но и от приставочных глаголов, ср.: *прихаживал, отнимывал, зажигивал*. Примеры употребления см. в разделе 1.3 ниже. Глаголы многократного подвида в текстах весьма многочисленны, но большинство из них обслуживают отрицательные и вопросительные контексты, так что многократность в чистом виде встречается нечасто. Это объясняется тем, что необходимость в указании на многократно повторяющиеся события с особой референцией к факту их существования – во всяком случае в рамках просмотренного нами материала – не слишком велика. Приведем пример повествовательного предложения в отсутствие отрицания:

А яз, г(осподи)не, Ес(ь)ка тl пожни кашивал на два рубля на монастырское серебро, а сlно, г(осподи)не, шло с тlх пожен на монастырь (1508 г. [Акты 1975: 44]).

Контекст говорит о том, что повествователю в течение многих лет регулярно случалось косить упоминаемые им пожни, а сено шло на монастырский двор. Искомый глагол многократного подвида – *кашивал*. В соседнем предложении та же ситуация покоса описывается простым глаголом несовершенного вида:

...и отцы их... в тlх же деревнях монастырских жили, а тl же пожни косили [Акты 1975: 43].

В последнем предложении многократность и регулярность покосов специально не подчеркивается.

Примеры простого (немногократного) НСВ в общефактическом встречаются довольно часто. Специфика значения и употребления общефактического, как кажется, не отличается от современного русского языка⁷:

el арапку та Дарья за Москво реко с собою звала и она с нею не пошла [Письменность 1968: 237].

Здесь искомый глагол в общефактическом значении – *звала*. Судя по контексту, Дарья предлагала арапке пойти за Москва-реку один раз. Другие примеры:

вна Дару говорила [один или более раз] про пропажу подругамъ своимъ [Письменность 1968: 237];

приходила [один раз] к ней та el золовка в субботу, а не в понедельник [Письменность 1968: 237];

А на ту землю князь велики Иван Васильевич посылал [один раз] меня же Волка Борисова смотреть и мlрити... [Акты 1975: 16]

2. Семантические типы P(t) и Et P(t) в контексте отрицания. Древнерусский язык

⁷ При приписывании древнерусской форме НСВ общефактического значения мы можем полагаться только на наше знание русского языка.

Вернемся к двум логико-семантическим типам сообщений о событиях – $P(t)$ и $\exists tP(t)$. Первый тип представляет собой нейтральный – немаркированный – способ сообщения о фрагменте мира, когда событие трактуется говорящим как таковое без специального акцента на факте его существования. В семантическом представлении соответствующего предложения квантор существования тогда отсутствует, а в контексте отрицания показателя множественности не требуется. Следовательно, естественноязыковой коррелят формулы $\neg P(x)$ не должен включать многократного подвида. В отрицательном предложении свидетельством того, что перед нами сообщение типа $\neg P(x)$, положительный прообраз которого – это предложение типа $P(x)$ (в противоположность $\exists t P(t)$), служит сохранение показателей фиксированного времени и места. Выше, в разделе 1.1.1.1, мы показали, что конкретная референция времени и места события не служит противопоставлением для экзистенциальной трактовки предложения, однако, как было показано там же, для экзистенциальной трактовки требуются известные прагматические условия. В отсутствие таких условий конкретная референция времени, места и других участников ситуации склоняет чашу весов в пользу конкретной трактовки события, т.е. как типа $P(x)$.

Вернемся к примеру *el arapku ta Darya za Moskvó reku s soboyu zvala i ona s neyu ne poшла* ((1638-1641гг. [Письменность 1968: 237])). Интересующая нас здесь форма – форма СВ *не пошла*. Событие мыслится как фиксированное: арапка не пошла с Дарьей за Москву реку в тот момент, когда Дарья ее звала. В двух других примерах ниже мы наблюдаем даже точную дату события; кроме того, все участники события имеют конкретную референцию, и лексемы типа *никакой*, снимающие значение определенности, отсутствуют. Все это делает многократную форму неуместной. Событие передается с помощью формы простого НСВ:

...они в тот день октября в См⁸ числе в Верхó не были и соловки el Тимохины жены Бахарева не видали а были они в Верхó октября в Им числе⁹ в понедельник... (1638-1641гг. [Письменность 1968: 236]);

...дворник и тóточные жители сказали что их в то время как обízжий Давыд Ходырев с подячим дралис никог не было (1671г. [Письменность 1968: 212]).

Перейдем к многократному подвиду. Примеры, которые будут приведены ниже, демонстрируют смыслы ‘Р не было никогда’ ($\forall x \neg P(x)$, ср. закон (1)) и ‘Существовало много возможностей для реализации Р, которые не были использованы’ ($\exists x \neg P(x)$, ср. квазизакон (2)). Так, в примерах ниже сочетания *никто не прихаживал* и *никакова слова не говаривала* иллюстрируют действие закона (1), основанного на переходе к квантору всеобщности, а сочетание *не кашивали* – демонстрирует действие квазизакона (2), использующего квантор существования в большом количестве.

И Дарү Ламанова в том во всем запиралась а сказала что к ней Даре в Верхъ вприч соловки el никто не прихаживал а приходила к ней та el соловка в субботу, а не в понедельник и про гсдрню де ирцу и великую кнүиню Евдокю Лукүновну вна Дарү никакова слова не говаривала и на el гсдррской слд песку не сыпывала а толко де вна Дарү говорила про пропажу подругамъ своимь... и за Москву де реку вна Дарү

⁸ Седьмого октября.

⁹ Восьмого октября.

подруги своей Степаниды к бабе которая всему тому пособит не **сывала** (1638-1641гг. [Письменность 1968: 236])

А отцы, господине, наши жили в Троецких деревнях в Подкосовской и Мичковской, а тх есмя, господине, пожен ис тех деревень не **кашивали** (1508 г., [Акты 1975: 43]).

...я холоп твои ево вндреева двора не **зажигивал** и зажеч никому не **веливал**... (1633 г., [Письменность 1968: 49]).

... и жена ево Тимофлева сына ел Дарьина Кóзму не **бивала** и зять ел Лóка Костянтинов сына ел Кóзмы у жены ево Тимофлевы не **отнимывал** (1688 г., [Письменность 1968: 290]).

И жонка Настка пытана и вгнем сжена сказала что к мужу ел к литвину ¼нке и к ней из Литвы от короля для гсдрские порчи приказу и инога никакова саказу не **бывало** и сама де вна их гсдрей не **порчивала** (1638-1641 гг., [Письменность 1968: 240])¹⁰;

...И та жонка Манка скасала что вна ел Настку снает а ворожит ел не **учивала** (1638-1641 гг., [Письменность 1968: 240]);

...и то влдают что я бани не **тапливал**... (1633г., [Письменность 1968: 48])

Особый прагматический контекст, который иллюстрируют материалы судебных документов, способствует употреблению общефактического значения с его особенной референцией к существованию событий и положений дел. Для говорящего не так важно, в чем состояло событие, а, скорее, то, было ли оно. Исходным пунктом дискурса служит формулировка обвинения: подозреваемого обвиняют в изготовлении цепи для нанесения вреда царствующей особе, посыпании песком следа от туфли императрицы и великой княгини Евдокии Лукьяновны (род наведения порчи), поджоге соседского двора, похищении ребенка у родителей и нанесении ему телесных повреждений. Можно предположить, что пожар, похищение ребенка и даже присыпание песком следа государыни императрицы – события вполне конкретные. Скорее всего, такие события действительно имели место. Обвинения в колдовстве, ворожбе и нанесении порчи, современному читателю могут показаться надуманными, но следует исходить из того, что в тексте судебного документа они мыслятся как имевшие место. И когда обвинитель обвиняет, он говорит «Р», а не «было Р». Иначе говоря, семантические представления суждений о таких событиях в устах обвинителя принадлежат к типу Р(х), а не к типу $\exists xP(x)$. Контекст отвода обвинения переводит высказывание обвинителя в другую плоскость. Обвинитель утверждает, что Р, а обвиняемый, возражая, не говорит «Р неверно», а использует более сильную форму отвода обвинения: ничего такого, как Р, не было никогда, например, *никакова слова не говаривала...*, *никакова саказу не бывало*. Другой – более слабый – способ отвода обвинения не использует отрицательных кванторов всеобщности. При нем реализуется отрицание существования в

¹⁰ Нельзя не обратить внимания на то, что многие анализируемые здесь примеры – это прежде всего трагические свидетельства русской жизни 17 века.

большом количестве. Возможности совершения преступления P могли быть, но они не были реализованы: *я бани не тапливал; вна подруги своеи к бабе которая всему пособит не сывала*. В обоих случаях при отводе обвинения – и с использованием квантора всеобщности, и с использованием квантора существования в большом количестве – происходит прагматическая подмена исходного типа $P(x)$ типом $\exists xP(x)$. Последний при отрицании дает множественность, которая в древнерусском выражается особым многократным подвидом.

Итак, заключим: многократный подвид в контексте отрицания служит для выражения идеи перебора возможностей осуществления некоторого события в разное время с разными участниками и при различных обстоятельствах и для указания на то, что такого события не было.

В данном разделе было продемонстрировано выражение значений $P(x)$, $\exists xP(x)$, $\forall x \neg P(x)$ и $\forall x \neg P(x)$ (существуют во множестве моменты, такие что не P) средствами древнерусского глагола.

Заключение

В данной статье мы надеялись установить некоторые соответствия единиц естественного языка единицам языка формальной логики. Эти соответствия проливают свет на переход к показателям множественности – множественного числа, многократного подвида несовершенного вида – возникающим при построении отрицательных предложений в русском и древнерусском языках.

В контексте построения отрицательного предложения говорящий может исходить из того, что в исходном положительном предложении – наличном или реконструируемом – присутствует квантор существования: ‘было дело, такое что...’. Тогда в соответствующем отрицательном предложении возникают показатели множественности, а темпоральные и локальные обстоятельства могут заменяться на обстоятельства со значением *нигде и никогда*: *Нигде и никогда накакого P не бывало*. Такой тип построения отрицательного предложения может быть вынужденным, потому что в исходном положительном предложении действительно имеются показатели значения существования. Если же показатели существования отсутствуют, этот тип может служить и риторическим приемом, связанным с желанием говорящего указать при отрицании, что некоторого положения дел не было и не могло быть ни при каких обстоятельствах и никогда. Стратегию построения отрицательного предложения по принципу «нигде и никогда» мы назвали универсальной. Если же говорящий выбирает стратегию отрицания утверждения о конкретной ситуации, то показатели времени и места в отрицательном предложении сохраняются и показателей множественности не возникает (*В точке пространства L в момент времени T ситуации P не было*). Эту вторую стратегию построения отрицательного предложения мы назвали конкретной.

Другой результат данной работы состоит в приведении аргументов в пользу того, что в основе семантики НСВ общефактического лежит значение существования: *было так, что...* При этом, предложения, в которых общефактическое сочетается с указанием на фиксированную временную точку, имеют двойственную семантическую структуру: в них сообщается одновременно о том, что некоторое положение дел имело место, а также о том, в какой момент времени оно наступило.

И наконец, на материале современного русского и древнерусского языка было показано, что логика, отраженная в естественном языке, не всегда совпадает с формальной логикой, и для более точного моделирования логики дискурса была предложена более слабая модификация логического закона $\neg \exists x P(x)$

$\equiv \forall x \neg P(x)$, где квантор всеобщности заменяется введенным здесь квантором существования в большом количестве.

Литература

- Авилова – *Авилова Н.С.* Вид глагола и семантика глагольного слова. М.: Наука, 1976.
- Акты 1975 - Акты русского государства 1505-1526, М., 1975.
- Арутюнова 1976 – *Арутюнова Н.Д.* Предложение и его смысл. М.: Наука, 1976.
- Арутюнова 1983 – *Арутюнова Н.Д.* Коммуникативные формы бытийных предложений // Арутюнова Н.Д., Ширяев Е.Н. Русское предложение. Бытийный тип. М.
- Бойко 1952 – *Бойко А.А.* О роли вида в некоторых инфинитивных сочетаниях, содержащих отрицание // Ученые записки ЛГУ. Серия филологических наук. Вып. 15. N156. Л.
- Виноградов 1947 – *Виноградов В.В.* Русский язык. М.-Л.: Учпедгиз.
- Виноградов 1972 – *Виноградов В.В.* Русский язык. Издание второе. М.: Высшая школа.
- Зализняк, Шмелев 2000 – *Зализняк Анна А., Шмелев А.Д.* Введение в русскую аспектологию. М.: Языки русской культуры, 2000.
- Иванчикова 1957 – *Иванчикова Е.А.* Употребление многократных бесприставочных глаголов в русском литературном языке XIX в. // Материалы и исследования по истории русского литературного языка. Т.4. М.
- Кржижкова 1969 – *Кржижкова Е.* Заметки о месте негации в языковой структуре // Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. М., 1969.
- Мур 1984 – *Мур Дж.* Принципы этики. М.
- Падучева 1969 – *Падучева Е.В.* Семантический анализ отрицательных предложений в русском языке // Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. 12. М., 1969.
- Падучева 1970 – *Падучева Е.В.* Проблемы семантического сопоставления естественных языков с языками математической логики // Исследования логических систем. М., 1970
- Падучева 1974 – *Падучева Е.В.* О семантике синтаксиса. Материалы к трансформационной грамматике русского языка. М., 1974.
- Падучева 1989 – *Падучева Е.В.* Идея всеобщности в логике и в естественном языке // Вопросы языкознания. N2.
- Падучева 1996 – *Падучева Е.В.* Семантические исследования. М.: Языки русской культуры.
- Письменность 1968 – Московская бытовая и деловая письменность 17 века, М., 1968.
- Прокопович 1969 – *Прокопович Е.Н.* Стилистика частей речи (глагольные словоформы). М.
- Рассудова 1968 – *Рассудова О.П.* Употребление видов глагола в русском языке. М., 1968.
- Русская грамматика 1918 – Русская грамматика 1918, Казань.
- Самедов 1964 – *Самедов Т.С.* О функционировании видов при отрицании // Научные доклады высшей школы. Вып. 4.
- Гловинская 2001 – *Гловинская М.Я.* Многозначность и синонимия в видо-временной системе русского глагола. М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова.
- Шатуновский 1995 – *И.Б. Шатуновский.* Коммуникативные типы высказываний, описывающих действительность // Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке. М.: Наука.

Шатуновский 1996 – *И.Б. Шатуновский*. Семантика предложения и нереферентные слова. М.: Языки русской культуры.

Forsyth 1970 – *Forsyth J.* A grammar of aspect: usage and meaning in the Russian verb. Cambridge: Cambridge university press.

Comrie 1976 – *Comrie B.* Aspect. Cambridge: Cambridge university press.

Mehlig 1991 – *Mehlig H. R.* Экзистенциальные и экспликативные вопросы // Russian linguistics. V. 15.